ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРНОГО НАСЛЕДОВАНИЯ ПРАВ ТРЕБОВАНИЯ И ИНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

ПИЛИПСОН Эдвард Генрихович, магистр права, докторант Рижского университета им. П. Страдиня
LV-1007, Латвийская Республика, г. Рига, ул. Дзирциема, 16
E-mail: e.pilipsons@privattiesibas.lv

Договорное наследование прав требований, обязательств в ситуации применения норм международного частного права является достаточно сложной практической задачей. Приоритетная задача в данной ситуации — корректный выбор применимого права. На сегодняшний день наследование движимых вещей, которыми являются права требования, обязательства, происходит согласно правилам коллизионных привязок “lex patriae” и “lex domicilii”, не являющихся корректными в ситуации договорного наследования. В ряде случаев права требования, обязательства приобретают правовой режим “res in transitu”. Представляется необходимым произвести оценку предмета договорного наследования: оно опосредуется инструментами обязательственного права, основой которого является заключенный договор, обладающий встречным имущественным представлением, выраженным в определенной сумме. Поэтому оценка должна быть положена в основу цены договора. При этом оценка должна быть неизменной на протяжении срока действия договора. Так как по действующему законодательству оценка может быть сделана лишь в отношении константного обязательства (например, в случае договора купли-продажи), при договорном наследовании прав требования (цессии) представляется не совсем ясным, как может быть сделана провизорная оценка, когда стоимость обязательства может кардинально меняться в зависимости от обстоятельств в течение промежутка времени.

Ключевые слова: договорное наследование, права требования, применимое право.

PARTICULAR FEATURES OF CONTRACTUAL INHERITANCE OF LEGAL CLAIMS AND OTHER LIABILITIES

E. G. PILIPSON, LL.M. doctoral studies at Riga Stradins University, attorney at law qualification
16, Dzirciema st., Riga, Latvia, LV-1007
E-mail: e.pilipsons@privattiesibas.lv

Contractual succession of legal claims and liabilities in administering rules of private international law is a quite complicated practical problem. The correct choice of the applicable law is the priority in this situation. As of today inheritance of movables, including claims, liabilities takes place according to the connecting factors' rules “lex patriae” and “lex domicilii” which according to the offered assumption, are not adequate in a situation of the inheritance by contract. It is worth mentioning that in some cases the right to claim, liability acquires legal regime called “res in transitu” which requires special succession regime. Secondly, it is necessary to evaluate the subject matter of the contract. Inheritance by contract is mediated by the tools of the contractual right which is based on the concluded contract with the cross material perquisites evaluated in a certain sum. Due to this circumstance the assessment should be accepted as a basis for the contract price. Since in accordance with the current legislation the assessment can be made solely in relation to a constant liability (for example, in the situation with a contract of purchase), in case of a contractual inheritance of legal claims (cession), it is not clear how provisional assessment can be made, as the cost of liabilities can change drastically depending on circumstances in the course of a certain period of time. This article is devoted to the investigation of these problems.

Keywords: applicable law, claims, inheritance by contract, liabilities.

DOI: 10.12737/19209

Существующая на сегодняшний момент концепция наследования (наследство — юридическое лицо) предусматривает наследование как прав, так и обязательств наследодателя. Исключение составляют лишь права, которые были присвоены наследодателю лично. В полной мере данное утверждение касается гражданского, налогового и деликтного права. Данную позицию подтвердил Верховный Суд РФ¹. Ограничение ответственности наследников осуществляется единственно при использовании ими инвентарного права.

¹ См. постановление Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании».

Данная концепция наследования не вызывает сомнений в ситуации наследования по закону и по завещанию.

В ситуации договорного наследования картина несколько иная — согласно выдвинутой концепции договор наследования опосредует сингулярность правопреемства. В силу данной причины применение инвентарного права затруднено, если не исключено.

Переходя к установлению основ договорного наследования обязательств, в первую очередь представляется важным определить применимое право. В ситуации трансграничного применения норм международного частного права отыскание применимого права достаточно сложная задача, определяемая ха-

рактором обязательства. Например, главное обязательство подлежит исполнению на территории одного государства, в свою очередь акцессорное обязательство должно быть исполнено на территории другого государства. Соответственно, правовые режимы, применяемые к договорному наследованию главного и акцессорного обязательств, будут различаться. В случае если акцессорное обязательство должно быть исполнено в пределах территорий государств, определенных договором как единое место исполнения, либо государств с множественностью правовых систем, определение применимого права может стать неразрешимой задачей. Несмотря на то что данная проблема решена в ст. 1188 ГК РФ, право, тесно связанное с правовой системой определенного государства, в ряде случаев не может быть применено на территории РФ в силу оговорки о публичном порядке (*public policy*). Например, обязательство, имеющее своим началом территорию РФ, подлежащее исполнению в силу заключенного договора наследования на территории Германии либо Латвии. Договор наследования как основание наследования закреплен как в Гражданском законе Латвийской республики (далее — ГЗ ЛР), так и в Германском гражданском уложении (далее — ГГУ). В свою очередь, единственным основанием наследования в Российской Федерации в соответствии с ГК РФ (ст. 1118) является завещание, вследствие данного обстоятельства договор наследования, заключенный согласно предписаниям ГЗ ЛР (ст. 639) и ГГУ (четвертый раздел пятой книги), не будет воспринят и исполнен. Дополнительной проблемой договорного наследования обязательств является корреляция предметов инструментов обязательственного права. Договором наследования может быть предусмотрено обязательство исполнить иной договор. В данном случае проблемной ситуацией будет являться содержание договора, подлежащего исполнению. Содержание договора и, как следствие, обязательств, вытекающих из него, может носить негативный, не соответствующий праву главного обязательства (договора наследования) характер. То же самое относится к акцессорному обязательству. В данной ситуации исполнение договора наследования и акцессорного обязательства также может быть осложнено или невозможно в силу оговорки о публичном порядке.

Основа договорного наследования обязательств включает в себя два договора — заключенный между сторонами договор наследования и договор, заключающий в себе обязательство, которое будет унаследовано. В связи с этим представляется обоснованным отметить, что наследуемое обязательство может быть опосредовано как окончательным договором, так и предварительным². Основной в данном

случае будет являться проблема соответствия содержания как окончательного, так и предварительного, а также заключаемого на его основе нового договора конкретному правопорядку и исполнимость унаследованного обязательства.

В связи с этим представляется интересным с практической точки зрения рассмотреть наследование по договору обязательств, вытекающих из договора содержания. Договор содержания закреплен как в ГК РФ, так и в ГЗ ЛР. Поскольку договор содержания согласно ГЗ ЛР (ст. 2103) и ГК РФ (ст. 605) прекращается смертью получателя ренты, но не лица, предоставляющего ренту, данное обязательство возможно отнести к договорному наследованию. Однако для корректной квалификации данного правоотношения необходимо понять, согласно каким правилам наследуется обязательство. При рассмотрении этого вопроса через призму понимания обязательства, данного в труде Генриха Деренбурга³, в котором договор характеризуется не просто как основание возникновения обязательства, но как форма существования данного правоотношения⁴, возникает опасность некорректного восприятия предмета правоотношения, и, как следствие, возможность чрезмерных убытков для должника, так как должник обязан обеспечить имущественное предоставление в пользу как кредитора по договору наследования, так и кредитора по договору содержания. Исходя из данного обстоятельства представляется обоснованным произвести расщепление правоотношения, считая договор наследования и договор содержания юридическими фактами единичного, самостоятельного характера и специфических для каждого договора последствий. Данное разделение представляется, безусловно, благоприятным с точки зрения налогового права — Закон Латвийской Республики «О подоходном налоге» (ст. 9) при возмездном отчуждении не предусматривает налоговых начетов и выплат с лица, получившего доход (капитал) путем наследования, тогда как доход (капитал), полученный согласно договору содержания (ст. 8), облагается налогом на прирост капитала. В данном случае необходимо поставить вопрос о применении налоговых требований к лицу, которое произвело имущественное отчуждение в пользу третьего лица имущества или капитала, полученного в результате суброгации должника в договоре содержания. Должник по договору наследования, произведя имущественное предоставление в пользу кредитора и вступив в положение должника по договору содержания в

лица заключения основного договора. См.: Иоффе О. С. Обязательственное право. М., 1975. С. 36.

³ См.: Деренбург Г. Пандекты. Обязательственное право. М., 1911.

⁴ См.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: общие положения. М., 1998. С. 10.

² Предварительный договор, согласно правовой терминологии, является договором, который порождает обязанность

силу обязанности осуществления дополнительно имущественного предоставления в пользу кредитора по договору содержания, тем самым подвергает себя достаточно серьезной нагрузке, которая может возрасти в силу алеаторного характера договора содержания и правоотношений по нему. В силу данной причины субъект в ситуации должника по договорам наследования и содержания должен быть освобожден от взимания налога на прирост капитала, который правомерно и обоснованно уплачивает кредитор по договору содержания, получая имущество от третьего лица.

Признавая в ситуации договорного наследования объединенные в единое целое юридические факты — договора наследования и содержания — единичными, заинтересованные стороны имеют легальную возможность, во-первых, корректно определить применимое право, во-вторых, определить четкие границы корреляции предметов используемых в правоотношении инструментов. Так как суть обязательственного право — эквивалентное имущественное предоставление должником кредитору, обязательственное право в ситуации наследования посредством договора наследования прав и обязанностей по договору содержания не должно быть перегружено обязательствами, которые приводят к тщетности исполнения договора. Данная концепция, нашедшая отражение в правовой доктрине⁵ и законодательной практике Великобритании⁶, могла бы быть использована и в практике иных государств.

Говоря о выборе применимого права, следует также отметить необходимость разделения указанного выше правоотношения на юридические факты единичного характера — договор наследования как основание наследования не зафиксирован в ГК РФ, тогда как исполнение может быть осуществлено как на территории одного государства, так и в пределах территорий обоих государств. Данная проблематика наиболее характерна для договорного наследования требований по договору цессии. Предмет договора цессии нормативно закреплен в ГК РФ и ГЗ ЛР. Статья 388 ГК РФ гласит, что «уступка требования кредитором (цедентом) другому лицу (цессионарию) допускается, если она не противоречит закону. Не допускается без согласия должника уступка требования по обязательству, в котором личность кредитора имеет существенное значение для должника».

В свою очередь, предмет договора цессии, согласно положениям ГЗ ЛР (ст. 1798, 1799), содержит аналогичное положение, в котором также придается особое значение личности кредитора. Категория, обозначенная термином «особое значение личности

кредитора», имеет достаточно важное значение для договорного наследования обязательства по цессии и исполнения обязательств по ней — ст. 388 ГК РФ гласит, что «переход к другому лицу прав, неразрывно связанных с личностью кредитора, в частности требований об алиментах и о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, не допускается». Аналогичное положение содержится и в ГЗ ЛР (ст. 1799). Иное содержание договора цессии закреплено в ГГУ. Статья 399 данного нормативного акта гласит, что «уступка требования не допускается, если обязательство по отношению к новому кредитору не может быть исполнено без изменения его содержания либо если по соглашению с должником уступка была исключена». Сравнивая нормы, регулирующие договор цессии в законодательных актах Российской Федерации, Латвийской республики и Германии, видно, что ГГУ не придает значения личности кредитора и его неотъемлемым правам, в отличие от его понимания ГК РФ и ГЗ ЛР. Для алиментных обязательств в ситуации применения норм международного частного права данное обстоятельство имеет решающее значение. В доктрине закреплено положение о том, что алиментные обязательства (*maintenance obligations*) исполняются в пользу несовершеннолетних детей⁷ и, обладая собственным конвенциональным правовым регулированием⁸, становятся важной частью предмета договора цессии, в том числе в ситуации договорного наследования. Представляется, что в ситуации применения норм ГГУ посредством цессии основной кредитор или кредиторы — родители или иные опекуны ребенка могут передать обязательство по содержанию ребенка должнику по договору наследования. На данном основании представляется обоснованным подчинить право договора наследования и заключаемого на его основании договора цессии праву Германии. Однако будет ли данный выбор действителен? Возможно, ответ на этот вопрос необходимо искать в Модельных принципах, регулирующих применимое право в международных договорах (*Draft Hague Principles on the Choice of Law in International Contracts*). Несмотря на то что данный документ используется в основном в целях коммерческого права и не влияет на имущественные последствия договоров, указанные принципы могут быть использованы для общих целей международного частного права, а также в судах. Прогресс сторон в выборе применимого права обеспечивается ст. 2 данного документа, которая разделяет применимое право, вводя возмож-

⁵ См.: *Beale H. Contract Law (Common Law of Europe)*. Oxford, 2002; *Halson D. Contract Law (Common Law Series)*. 3rd ed. Butterworths, 2007.

⁶ См.: *Law Reform (Frustrated Contracts) Act, 1943*.

⁷ См.: *Blakesley Ch. L. Louisiana Family Law (1992)* // *Scholarly Works*. Paper 841. P. 607—654; *Shulman J. The Parent as (Mere) Educational Trustee: Whose Education Is It, Anyway?* // *Nebraska Law Review*. 2010. Vol. 89. P. 290—357.

⁸ *Convention of 2 October 1973 on the Recognition and Enforcement of Decisions Relating to Maintenance Obligations*.

ность различных правовых режимов в отношении различных частей договора. Это обстоятельство достаточно важно для договорного наследования прав и обязательств по договору цессии, так как существенные составные части договора цессии разнятся, как было сказано выше, в зависимости от нормативных актов национального права. Единственным ограничением для действия национального материального права будет оговорка о публичном порядке, обоснованно названная территориальным императивом (*territorial imperative*)⁹. Для определения применимого права правовой доктриной закреплена следующая последовательность¹⁰:

1) осуществляется идентификация юрисдикций, которые в силу территориальной привязки, следующей из правового анализа категорий личного закона физического лица, могут обеспечить главное и акцессорное правоотношение соответствующими источниками права;

2) на основе данного анализа осуществляется выбор источников, существенным образом регулирующих составные части правоотношения. Осуществляется отчленение норм и источников факультативного (натурального) характера¹¹;

3) для нахождения релевантного права осуществляется разрешение телеологического вопроса;

4) для определения территориальной привязки оценивается степень влияния публичного порядка на правоотношение. Выясняется степень искажения правоотношения¹²;

5) на основе данного анализа определяется применимое право.

Из схемы видно, насколько важно разделение главного обязательства, исходящего из договора наследования и акцессорного обязательства, вытекающего из договора цессии. В свою очередь, признание данных договоров юридическими фактами еди-

ничного характера позволит заинтересованным сторонам определить применимое право в отношении каждого из договоров и, соответственно, в случае необходимости продолжить деление права по разделам договора¹³.

Представляется, что приведенная выше схема допустима к применению в ситуации наследования обязательств.

Так как договорное наследование акцессорного обязательства регулируется «правом о наиболее близком договоре»¹⁴, в ситуации, описанной выше, сторонам договора необходимо закрепить соглашением в качестве применимого права — право Германии. Это будет наиболее оптимальным решением, так как Германия является участником Конвенции о праве, применимом к алиментным обязательствам, от 2 октября 1973 г. В свою очередь, так как данная Конвенция обладает силой в отношении третьих государств (ст. 3), право, предписываемое Конвенцией, может быть применено в ситуации территориальных императивов, предписываемых ГЗ ЛР и ГК РФ.

Представляется обоснованным утверждать, что правоотношение, в котором заключены два и более договора, является правоотношением *suì generis*¹⁵. Данная точка зрения отражена в правовой литературе¹⁶ и, несомненно, имеет отношение к договорному наследованию акцессорных обязательств. Расширение концепции *suì generis* до правового регулирования договорного наследования акцессорных обязательств правомерно и способствует справедливому

¹³ Деление права (*law segmentation*) по разделам договора — итог новейшей (с 1985 г.) тенденции в международном частном праве, описанной Lee Ann Fennell в труде “Slicing Spontaneity” (Coase-Sandor Working Paper Series in Law and Economics. 2015. No. 717), предусматривающей отыскание соответствующего права (*proper law*) к каждому разделу договора. Эта тенденция закреплена во многих нормативных актах, регулирующих применимое материальное и коллизонное право. Данное деление представляется обоснованным к применению в ситуации договорного наследования в силу того, что право, применимое к наследованию, и право, применимое к обязательству (договору), обладают различными императивами и при их некорректной корреляции регулирование правоотношения не будет исчерпывающим.

¹⁴ Садиков О. Н. Специфика регулирования некоторых гражданских правоотношений // Советское государство и право. 1978. № 3.

¹⁵ Особый род, вид; в данном случае — своеобразие правоотношения.

¹⁶ См.: Yiannopoulos A. N. Real Rights: Limits of Contractual and Testamentary Freedom // Louisiana Law Review. 1969. Vol. 30. P. 44—75; Palermo J. S. Donations À Cause de Mort: A Civilian Solution to Characterization of Gratuitous Transfers that Elude Donative Classification Under the Louisiana Civil Code // Louisiana Law Review. 1977. Vol. 37. P. 1071—1099.

⁹ См.: Davies J., Rathke S. R. Choice of Law Based on the Seat of the Relationship // Valparaiso University Law Review. 1975. Vol. 1. P. 6.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Под категорией «отчленение норм и источников факультативного (натурального) характера» в ситуации настоящей статьи понимаются нормы права и их группы, которые, воздействуя на основное правоотношение, могут вызвать отступление от главного варианта поведения, диктуемого императивными нормами. Цит. по: Общая теория права и государства: учебник / под ред. В. В. Лазарева. 2-е изд. М., 1996. С. 150.

¹² Степень искажения правоотношения (*legal relationship distortion degree*) — термин, обладающий компилятивным характером, выведенный на основе труда Boaventura de Sousa Santos “Toward a New Legal Common Sense: Law, Globalization, and Emancipation” (Cambridge, 2002. P. 423). В понимании данной статьи означает взаимное наложение предметов правового регулирования различных инструментов обязательственного права и их взаимное изменение.

разрешению телеологического вопроса — представляется, что содержание и соответствующее социальным нормам воспитание несовершеннолетнего ребенка отвечает целям законодателя. Данное утверждение подтверждено в правовой литературе¹⁷. В связи с этим возможно рассматривать цессию не как материально-правовую категорию (гражданско-правовой договор), но как процессуально-правовую составляющую наследственного трансфера *inter vivos*¹⁸, тем самым выводя ее из сферы влияния категории «особая личность кредитора», которая зафиксирована в ГЗ ЛР и ГК РФ.

Важно упомянуть, что система договорного наследования акцессорных обязательств обладает подвижным, динамичным характером и, как следствие, не может образовать самостоятельной квалификационной группы. Во-первых, это происходит по причине отсутствия по состоянию на сегодняшний момент источников права договорного наследования. Во-вторых, наследственный трансфер договорного характера с клаузулой *inter vivos* в отношении акцессорных обязательств по своим признакам напоминает цессию в процессуально-правовом понимании, которая нуждается именно в данной квалификации. Это подтверждено в правовой литературе¹⁹. Воспринимая цессию как процессуально-правовую основу, заинтересованное лицо сталкивается с двумя основными проблемами: 1) национальная судебная система не воспринимает иностранное процес-

суальное право. Тем самым осложняется судебное право заинтересованного лица на обращение в компетентный суд за получением определения или приказа об уступке права требования; 2) в восприятии цессии в упомянутом выше виде упрощается поиск применимого права, так как осуществляется выбор наиболее тесной связи между правоотношениями, вытекающими из договоров содержания и наследования. Поиск применимого права в ситуации применения права государств — участников Европейского Союза несомненно упростит не только Конвенция 1973 г., но и Регламент Совета Европейского Союза от 18 декабря 2008 г. № 4/2009 «О юрисдикции, применимом праве, признании, обеспечении исполнения решений и сотрудничестве по вопросам, касающимся обязательств по уплате алиментов». Статья 15 данного нормативного документа отсылает к исходному источнику коллизионного регулирования.

По своей структуре договорное наследование акцессорного обязательства из договора содержания посредством цессии напоминает два вида безымянных контрактов: трансакцию (*transactio*) и прекарий (*precarium*) в их понимании Дженнаро Франчиози²⁰ и конструкцию *iuris vinculum*, описанную у Джеффри Самуэля и Рейнхарда Циммерманна²¹.

Помимо прочего наличие в правовом режиме договорного наследования категории *res in transitu* порождает мобильный конфликт и возможную диффузию юрисдикций. Вследствие данного обстоятельства исследование темы договорного наследования обязательств представляется интересным и перспективным.

¹⁷ См.: Татаринцева Е. А. Фактическое воспитание как основание возникновения семейных правоотношений // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2014. № 4. С. 113—123.

¹⁸ Правовая сделка между живыми лицами в сфере частного права.

¹⁹ См., например: Тарнопольская С. В. Процессуальные аспекты реализации прав нового кредитора по уступленным требованиям // Советник юриста. 2010. № 5; Приходько А. И. К вопросу о процессуальном правопреемстве // Закон. 2007. № 4. С. 112—118.

²⁰ См.: Франчиози Дж. Институционный курс римского права / пер. с итал.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М., 2004. С. 392—394.

²¹ См.: Samuel G. Law of Obligations. Cheltenham, 2010. P. 29—30; Zimmermann R. The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition: the Concept and its Historical Development. Cape Town, 2010. P. 1, 647.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Beale H. Contract Law (Common Law of Europe). Oxford, 2002.
- Blakesley Ch. L. Louisiana Family Law (1992) // Scholarly Works. Paper 841.
- Davies J., Rathke S. R. Choice of Law Based on the Seat of the Relationship // Valparaiso University Law Review. 1975. Vol. 1.
- Halson D. Contract Law (Common Law Series). 3rd ed. Butterworths, 2007.
- Palermo J. S. Donations À Cause de Mort: A Civilian Solution to Characterization of Gratuitous Transfers that Elude Donative Classification Under the Louisiana Civil Code // Louisiana Law Review. 1977. Vol. 37.
- Samuel G. Law of Obligations. Cheltenham, 2010.
- Shulman J. The Parent as (Mere) Educational Trustee: Whose Education Is It, Anyway? // Nebraska Law Review. 2010. Vol. 89.
- Yiannopoulos A. N. Real Rights: Limits of Contractual and Testamentary Freedom // Louisiana Law Review. 1969. Vol. 30.
- Zimmermann R. The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition: the Concept and its Historical Development. Cape Town, 2010.
- Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: общие положения. М., 1998.
- Деренбург Г. Пандекты. Обязательственное право. М., 1911.
- Иоффе О. С. Обязательственное право. М., 1975.
- Общая теория права и государства: учебник / под ред. В. В. Лазарева. 2-е изд. М., 1996.

Приходько А. И. К вопросу о процессуальном правопреемстве // Закон. 2007. № 4.

Садиков О. Н. Специфика регулирования некоторых гражданских правоотношений // Советское государство и право. 1978. № 3.

Тарнопольская С. В. Процессуальные аспекты реализации прав нового кредитора по уступленным требованиям // Советник юриста. 2010. № 5.

Татаринцева Е. А. Фактическое воспитание как основание возникновения семейных правоотношений // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2014. № 4.

Франчози Дж. Институционный курс римского права / пер. с итал.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М., 2004.